

Глава 1

ГАЗЕТА

Муха... Эта муха вторую ночь не дает покоя! Сколько уже можно жужжать?! Камера пыток с белыми кожаными стенами, расцарапанная особо буйными заключенными. Нет, это не тюрьма, это место намного хуже. Место, отнимающее твою жизнь, рассудок, обычные человеческие потребности. Попав сюда, ты уже сам не можешь решать, что тебе носить, когда бриться, причесываться. Еда, сон, прогулки... Все по расписанию. Ты как собака на привязи, которую то и дело пытается усмирить хозяин за громкий лай. А хозяев здесь много, каждый санитар смотрит с пренебрежением, превосходством. Они лучше таких, как мы, — психов, которых общество сочло слишком опасными, чтобы держать на воле. Но самое страшное, если ты попал сюда, каждое твое слово считают бредом, ставят под сомнение любые поступки и решения. Пытаются пробраться в твою голову, доказать, что все это нереально. Но я, Григорий

Макаров, знаю, что видел... Я не сумасшедший, и они не смогут убедить меня в обратном.

— Пап, — раздается звенящий детский голосок. — Если ты снова перевернешь поднос с лекарством, санитары закроют тебя еще на один день в изоляторе.

— Не переверну, — обещаю я, хоть и зря. От таблеток становится только хуже, сознание расплывается, и ты даже слюни сам себе подтереть не можешь. Но Люську, дочку, не переспорить — вся в отца, такая же упрямыца. — Что ты нарисовала?

— Девочек, — улыбается, протягивает листок прямо под нос. И вправду, две девочки на лесной тропе, поваленные деревья и переплюйка, заросшая камышами. — Это Вика и Ника.

— Это одно и то же, — сдуру ляпнул я.

— Нет, они сестры, — обиделась, губы надула Люська. — Ничего ты не понимаешь!

— Почему они гуляют в лесу одни? Где их мама и папа? — интересуюсь, пытаюсь ее растормошить. Дочка молчит, глаза опустила. Что-то не так... Я видел уже этот лес, эти деревья, знакомое место. — Люся, кто эти девочки?

Дверь в изолятор открывается, на этот раз не санитар. Павел Степанович Окунев, лечащий врач, благодаря которому я все еще здесь. Доложили о том, что я учудил вчера, не иначе. Погром в столовой и отказ от лекарств. Психов настроить легко, главное, подход. Но для топ-менеджера по продаже люксовых машин — рутинная работа, не требующая особых усилий. Куда сложнее наладить работу пираний, так и норвящих оторвать

денежный мешок друг у друга. Да... Жизнь до психушки была не такой. Я был успешен, летел по карьерной лестнице вверх. После пельменей в общаге института только начал привыкать ко всей этой роскоши. Новая машина, нет, не люкс класса, так, «Фольксваген Джетта». Но после стольких лет в метро ощущать запах нового пластика, качественной кожи, заливать 95-й, напоказ крутить в руке брелок... Понты? Нет! Кого можно удивить средним сегментом, да еще и в 30 лет? В Москве каждая третья машина дороже пятака выходит. Но черт! Какое же это было чувство, эйфория мальчишки, который всю жизнь мечтал сесть за руль «немца». Сомнительно? Ну, что есть. А купленная двушка в новом районе? Друзья в аут улетели, когда застройщик ключи выдал. Но было и то, что напоказ я не выставял: красавица-жена и дочь, Люська... Две самые главные женщины в моей жизни.

— Григорий, вы меня слышите? — уже не первый раз обращается Окунев. — Григорий, Гриш, с кем вы разговаривали?

— Ни с кем. Скучно, док, в изоляторе, вот и пытаюсь скоротать время. Песни петь не запрещается? «Медленно минуты уплывают вдаль, встречи с ними ты уже не жди. И хотя нам прошлого немного жаль, лучшее, конечно, впереди», — горланю я, мотая головой. Дочка ухохатывается, но я держусь, продолжая распевать: — «Скатертью, скатертью дальний путь стелется...»

— Должно быть, Люсе очень нравится, когда вы поете? Это ее рисунок? — заметив картинку дочери, спрашивает Павел Степанович. — Кто это?

— Мой, рисовать люблю. А это Вика и Ника, сестры, родители у них недалекие, так и назвали, — язвлю я. Док единственный, кто может меня отсюда выпустить. Язык бы за зубами держать. Но как же я устал от этих разговоров, он считает меня чокнутым, да и сам я потихоньку начинаю сходить с ума в этом гиблом месте.

— Интересно, — задумчиво, но с любопытством смотрит на меня Окунев, что-то опять черкает в своем блокноте. — К вам сегодня уже кто-то заходил? Может быть, оставляли газету?

— В изолятор? — Насмешил так насмешил, это место не для посещений, а о газетке только мечтать остается. Да и вопрос странный, газета? С каких пор психам позволено читать газеты? Политическая ситуация, войны, эпидемия, что еще нужно больным шизофреникам, где каждый второй себя считает чуть ли не самим дьяволом или ангелом господним. Док удивляет, достает из кармана свежий вестник, протягивая мне. Сам молчит, внимательно изучая мою реакцию. Первая страница, две пропавшие семилетние девочки. Ника и Вика... Лучшие подружки, называющие себя сестрами.

— Люся... Откуда? — вырывается у меня, и это неправимая ошибка. Два месяца притворства коту под хвост, и выписка моя опять откладывается на неопределенный срок. Наверное, уже никогда не выйду, просто сойду здесь с ума.

— Эти девочки пропали вчера, по пути из школы домой. Их похитили. Так же, как похитили Люсю, пять лет назад. Григорий, вашей дочери здесь нет. Она мертва.

— Они ее убили! — Отчаянье, боль... Я еле держусь, чтобы не взорваться. Но он ошибается, меня не нужно убеждать, что Люся мертва, я сам дважды хоронил ее. Первый раз, когда вся семья оплакивала маленький гроб, и во второй, когда разворошил могилу и пытался сжечь тело своей дочери. Впрочем, именно поэтому я здесь. Но Люся не плод больного разума, не фантазия. Она застряла — призрак, который по какой-то причине не может уйти.

— Григорий, вы были там, первым нашли тело дочери. Здесь полиция. И им нужна ваша помощь, пока не стало слишком поздно. Как с Люсей, — положив руку на плечо, вздыхает док. — Вы можете поспособствовать спасению девочек. Нике и Вике столько же лет, сколько было и вашему ребенку.

В изолятор заходят двое. Мужчина и женщина в гражданской одежде. Опять эти расспросы... Что в них толку? Чтобы я помог, они должны верить в весь тот бред, который я несу. Какой же чертов парадокс, они пришли поговорить, но даже в суде показания психов не могут быть приобщены к делу.

Дочка гостей изучает, побалтывает ногами. Женщина, нет, девушка лет 20, должно быть, стажер, не иначе. Стройная, смазливая брюнетка. Красивая, на жену мою походит, только та блондинка. Одетая, как подросток, джинсы, кеды, серенький свитер, поверх которого золотой кулон в виде бабочки. Но макияжа почти нет, разве что большие зеленые глаза, подчеркнутые подводкой, и легкий слой пудры, придающий и без того соблазнительной коже бронзовый цвет.

Мужчина значительно старше. Недавно проступившая седина на висках, тяжелый, усталый взгляд, морщинистое лицо. Я его знаю, именно он вел дело моей дочери. Следователь, который упрятал меня сюда.

— Григорий Константинович, — заговаривает он. — Вы меня помните? — Я только усмехаюсь. Может, я и псих, но его забыть уже при всем желании не смогу. — Вы знаете, сколько уже здесь?

— 1806 дней, — с ходу выдаю я. — Четыре года, одиннадцать месяцев и десять, нет, одиннадцать дней. Пять лет назад они убили и похитили мою дочь. Я знаю, зачем вы здесь. Вика и Ника... Они пропали вчера после школы. Так?... Значит, эти твари опять вышли на охоту. Что ж, удачи. Может, на этот раз вам удастся не облажаться.

— Помогите нам, вы смогли найти дочь, видели похитителей, — вмешивается брюнетка. Наклоняется. Слишком близко, настолько, что я чувствую ее прерывистое дыхание на щеке. Глупая! Первое, второе дело — и уже психушка? Куда начальство смотрит?! Здесь полно маньяков, которые с радостью вцепятся в тонкую изящную шею с ложбинкой над ключицами, маняще прикрывтую теплым свитером. Отворачиваюсь, к такому не готов... Мы здесь не лучше заключенных, пять лет — нескончаемо длинный срок.

— Девочки действительно пропали, — раздраженно выдыхает следователь, по всей видимости, молоденькую сотрудницу навязали, не спросив. — Григорий, мы с вами тяжело расстались в прошлый раз. Я понимаю, что вы пережили. Врагу не пожелаешь хоронить своего ребенка. Я виноват перед вами, виноват перед вашей женой...

— Бывшей, — не сдерживаюсь я. Дочка с осуждением смотрит, глазенки опустила. Не любит этой темы. Не вышло долго и счастливо, не смогла жена простить того, что я раскопал могилу... Что пытался сжечь тело. Не смогла понять, что это была уже не наша малышка. Чудовище, в которое превратили ее эти твари! А потом, весь тот бред, который я пытался донести, будучи уже здесь. Она не виновата, кто бы смог поверить? Я бы не смог, если бы не видел это собственными глазами.

— Бывшей женой, — исправляется следователь. Смотрит с неподдельным сочувствием, даже жалостью. Понимает, гад, что жизнь сломал.

Все было продумано до мелочей, никто не должен был узнать, что я собираюсь сделать. Свежевыскопанная земля дала усадку, наутро бы никто и не догадался, что могилку раскапывали. Я даже Люськину игрушку любимую взял, чтобы вместо дочери в гроб положить... Все гладко шло. Жутко, это да! Тело дочери из земли вытаскивать. Но нельзя было иначе. Иначе она бы стала одной из них! А потом эти сирены. Оказалось, Афанасьев за мной слежку организовал, приглядывал за скорбящим отцом, благодетель! А дальше участок, мои рассказы. Каким же идиотом я был! Думал, что после всего, что было, они поверят. Бред! Но признаю, следователь — хороший актер, удачно изобразил участие. И все как по сценарию, слезы жены, суд, и вот я здесь, через пять лет сижу лицом к лицу с тем, кто упрятал меня в психушку.

— Я уже рассказал все, что видел, — не даю продолжить я. Виноват? Да! Он обещал найти мою девочку,

спасти! И что в итоге? Я потерял не только дочь, но и жену! Злость накрывает. Зачем он пришел? Слушать бред умалишенного больного, думает, что я скажу что-то другое?

— Вы видели монстров, так? — черкая в блокноте, напряженно спрашивает следователь. — Как вы их называли?

— Я сумасшедший, товарищ капитан, — усмехаюсь. — Разве не потому я здесь? Спросите у дока, если остались сомнения.

— Две девочки пропали, и им сейчас страшно, больно, а вы ерничаете, — вмешивается брюнетка, пронзая холодным взглядом. Кулаки сжаты, глаза прищурены — нет, она не стажер, и ей точно не двадцать. Она старше, чем выглядит, и намного красивее, чем показалось вначале. На глаза опять попадается кулон-бабочка... Он кажется знакомым. Я уже видел этот кулон... Но не могу вспомнить где. — Помогите нам их найти, две семьи сейчас переживают то же, что испытали вы, — указывает на фотографию. — Вика и Ника, посмотрите на них! Им столько же лет, сколько было вашей девочке!

— Дионеи, — укор подействовал, и я отвечаю на вопрос.

— Венерина мухоловка, это я помню. Но почему цветы? — Я пожимаю плечами. Следователь перелистывает блокнот, открывая старые записи. — «Они выглядят как девушки. Поразительно красивые девушки. Но это монстры. Тело покрыто серым хитином, длинные конечности, когти, в глаза невозможно смотреть, кружится голова», — зачитывает он. Я молчу, мои слова. Действи-

тельно, как после такого не упрятать в психушку? — Григорий, вы описывали их так, вы это помните?

Помню... Такое невозможно забыть, но реальность начинает выпадать, погружая в воспоминания. Таблетки! Чертовы таблетки... Сколько можно повторять доку, что от них становится только хуже!

— Григорий Константинович, — зовет док. Бесплезно, терапия помогает, болезненные воспоминания закрыты глубоко в подсознании. Вот только для дела я теперь не более чем кусок мяса. Разум затуманен, реальный мир расплывается перед глазами. — Пациент на нейрорептиках, он мало чем сможет помочь, — поясняет Окунев. — Роман Михайлович, Макарову поставлен диагноз шизофренический делирий, фантастически-иллюзорный онейроид. Его разум переворачивает фрагменты реального мира, смешивая с фантастическими представлениями.

— Снимите его с терапии. Если необходимо заключение суда, я достану, — улавливаю я слова следователя. Да, док, снимите меня с этих колес, я должен соображать, чтобы выбраться отсюда. Эти дети — мой шанс.

— Роман Михайлович, вы должны понимать, что галлюцинации, вызванные болезнью...

— Послушайте меня, доктор. У меня две пропавшие девочки, няня которых утверждала, что видела нечто подобное. Сегодня утром она повесилась в своей комнате. Макаров — единственный, кто сейчас может помочь отыскать их живыми. Именно он пять лет назад нашел тело дочери. В тот раз было слишком поздно. Мне плевать, какие черти живут в его голове, если будет нужно,

я первый протяну им руку, — рычит следователь. — Вам пришлют решение суда по факсу, спасибо за содействие следствию.

— Роман Михайлович, причину аналогичных галлюцинаций можно объяснить психостимуляторами и схожестью определенных образов, — вылетая за Афанасьевым, парирует док.

Брюнетка мягко улыбается, фотографию детей пододвигает.

— Им нужна помощь, и у нас с вами осталось очень мало времени, — мягко, почти шепотом произносит она, покидая изолятор с белыми кожаными стенами.

Глава 2

ФАРФОРОВАЯ КУКЛА

Зеленые деревья с проглядывающей красно-золотой россыпью. Слепящие лучи солнца, от которых приходится закрываться рукой, мелькающая карусель. Это детская площадка в соседнем дворе, за ней парк с березовой рощей, упирающийся в реку. Я узнаю ее из сотен других. Мы часто гуляли здесь с дочерью. Днем в этом месте всегда полно детей, но сейчас никого. Зачем я здесь? Это сон? Тогда почему я осознаю все, что происходит? Смех привлекает внимание, в песочнице кто-то есть. Люська, моя Люська. Темные волосики каштанового отлива, заплетенные в косы. Тонюсенькая шея и зеленое платьице в цветочек, с плотным белым воротничком. Стоп! У Люськи не было такого платья! Это не моя дочь. Девочка сидит спиной ко мне. В руках кукла, старая кукла, таких сейчас не делают. Фарфоровая голова и тряпичное тело. Такие игрушки опасны для детей, можно пораниться.